

Экзамен на звание «Идеальная мать».
Садись — два

С Васей все было неправильно. Вася — мой старший сын. Он очень на меня похож по внутреннему устройству: мы с ним тяжело встаем по утрам, можем полдня биться об стены и валять дурака, а потом за пятнадцать минут сделать то, что нужно. Мы легкие на подъем, и нас обоих, как волной, посещают странные увлечения: одно время Вася начал запойно слушать музыку и осваивать гитару, а я занялась вязанием и хэнд-мэйдом — сделала вешалку для полотенец из скалок и покрыла лаком шкафы на кухне. Через некоторое время эти увлечения прошли, как не бывало. И тогда я начала печь тортики и безешки, а Вася пошел в секцию стрельбы. Пока я осваивала рецепты приготовления опары для хлеба, причем без использования хлебопечки, а чтобы все по-настоящему, исключительно руками, Василий уплывал на байдарках и подумывал об альпинизме. Мы с ним болтаем по вечерам, но, когда на кухне появляется отец семейства, оба замолкаем, хотя ничего предосудительного в наших разговорах

Маша Трауб

нет. У сына очень много моих качеств, которые стали проявляться, когда он повзрослел. Например, от кофе его клонит в сон, как и меня, а в двенадцать часов ночи у него бывают внезапные приступы рабочей активности. И, как записано в школьной характеристике, у него завышенная самооценка. Последнее свойство Васиного характера муж считает точно моим. Не уверена. То есть у сына это точно наследственное.

Я прекрасно помню, как записывала его в первый класс. В то время Вася меня совершенно извел — тогда он еще занимался теннисом и ломал ракетки в случае проигрыша. Я ездила на спортивные сборы с ним, нанимаясь то помощником повара, то вожатой. Не потому, что боялась отпустить его одного... Хотя да, боялась. Вася не ходил в детский сад, поскольку, как объяснил нам психолог, он был «не садовый» ребенок. Например, мог умирать от голода, но не есть то, что ели все. Я пыталась его «социализировать». Но в детских лагерях, когда дети дружно ели пищу, Вася упорно сидел на гречке. Я соблазняла его сосиской в тесте, сладкой газировкой, но сын предпочитал рис, бульон и чай. Он играл в шахматы, но мог взять и перевернуть доску с фигурами, если осознавал, что проигрывает. Причем поражение чувствовал еще до того, как это начинал понимать противник. Я устала ловить за ним доски и ракетки.

Второй раз в первый класс

●

Ему было шесть лет. Однажды мы шли с ним мимо школы.

— А пойдем в школу? — вдруг спросил Вася.

— Пойдем, — согласилась я, думая, что сейчас мы поднимемся по ступенькам и попросимся на экскурсию.

— Нет, не сейчас, а вообще в школу. Да, я хочу в школу, — объявил сын.

Мы, естественно, завалили собеседование, поскольку не ходили на подготовку к школе и я сама учила его читать и считать. Мы не прошли тестирование у психолога (в те годы — обязательное условие для поступления в школу), которая увидела у Васи признаки аутизма и посоветовала мне подумать о домашнем обучении или специализированной школе. Сын не ответил ни на один вопрос. Молчал. Выйдя из кабинета, сообщил, что не отвечал, потому что вопросы были скучными. Но наша первая учительница, Светлана Александровна, его все равно взяла. Я была ей так благодарна, что даже не спросила, почему она вдруг на это решилась.

Вася учился практически в школьном коридоре, где стоял диван и лежали игрушки. Он играл, сидел, лежал, ходил, но, когда его вызывали к доске или спрашивали, давал верный ответ. Через полгода решил сесть за парту, и это стало счастьем. Светлана Александровна, которую Вася упорно называл Александрой Светла-

Маша Трауб

новной, радостно объявила мне на родительском собрании: «Сидит!»

Я была обычной перепуганной молодой мамой, которая забивалась под детскую парту на родительских собраниях и буквально молилась на учительницу, не понимая, как нас еще не выгнали. Я пыталась рассказывать подругам о нашей школьной жизни, но им было неинтересно. И тогда я написала книгу, неожиданно для меня ставшую бестселлером, — «Дневник мамы первоклассника». Честно говоря, я ее писала, чтобы не сойти с ума. Я ходила в школу, отводила, приводила, делала уроки, описывала почти каждый Васин школьный день, школьные проблемы, первую любовь, первые неприятности. И вспоминала свое детство. В качестве иллюстраций в первое издание «Дневника» были включены страницы из Васиных прописей. Его кривые паровозики, скособооченные вертолеты и попытки написать буквы красиво. Почерк, кстати, у него по-прежнему ужасный, и ручку он держит неправильно. И то, самое первое, издание для меня очень дорого — из-за этих самых иллюстраций.

Прошло уже девять лет после выхода книги, а меня до сих пор спрашивают, перешел ли Вася во второй класс. Я так и осталась «мамой первоклассника».

Сейчас Васе уже шестнадцать. Он учится на физико-математическом отделении школы, собирается поступать в МФТИ, играет на гитаре и профессиональ-

Второй раз в первый класс

но занимается стрельбой. Он уже взрослый красивый юноша. Но умудрился остаться ранимым и верным, смешливым и нежным. В этом нет моей заслуги. Мне кажется, я все делала неправильно, не так.

И когда у меня родилась дочь Серафима, я решила стать идеальной, образцово-показательной мамой. Сделать все правильно, как положено. Во-первых, я была уже «возрастной» мамой и считалась умной и опытной. Хотя я и не чувствовала себя ни «возрастной», ни уж тем более более умной и опытной. К тому же дочь пошла в отца, что для меня стало полной неожиданностью. Обычно Сима подсказывает рано утром, у нее все всегда аккуратно разложено по полочкам и царит образцовый порядок в шкафу. Она знает, какие именно и в какой день недели у нее кружки и секции, как ее отец знает, что у него будет в пятницу в 16:00 через три месяца. Опять же с легкостью отец и дочь могут сказать, что они делали месяц назад, например, в полдень понедельника. По ним можно сверять часы, поскольку они всегда встают в одно и то же время, в одно и то же время совершают утренние процедуры и завтракают. Допустимое отклонение — две минуты. Сима ни за что не выйдет завтракать без заплетенной косички, как ее отец никогда не выйдет к столу в пижаме. Когда я уезжаю в командировки, то прошу консьержку, чтобы она поднялась

Маша Трауб

и заплела Симу, иначе дочка не выйдет из дома «неприбранной». Сима, в отличие от нас с Васей, всегда завинчивает крышечку на тюбике зубной пасты. Даже штормку в ванной мы с Васей сдвигаем вправо, а муж с дочкой — влево. Сима сама заправляет свою постель и раскладывает игрушки по раз и навсегда установленным местам. Я могу убрать постель к вечеру, к приходу мужа с работы. У Симы — жесткий режим дня. Она его сама себе установила и придерживается. Если ей положено ложиться спать в девять, то где бы мы ни находились, даже в другой стране, мы живем по московскому времени. Часовые пояса Сима игнорирует твердо и решительно. Спорить и бороться с этим бесполезно.

— Сима, иди завтракать, — зову я.

— Сейчас, я застелю постель, и ты должна меня заплести, — отвечает дочка.

— Мама, Вася не повесил полотенце! — жалуется она на старшего брата. — Мама, уже девять утра, а Вася еще спит. Можно я его разбужу?

— Пусть спит, сегодня воскресенье.

— Тогда он пропустит завтрак! Он же не может завтракать во время обеда!

Вот как мне объяснить дочери, что мы с Васей можем завтракать даже во время ужина?!

Где бы мы ни находились, в каких бы гостях ни были, мы живем по графику дочери — ровно в семь вечера она встает и собирается домой. Потому что

Второй раз в первый класс

●

в семь тридцать — ужин. В восемь — ванна, в восемь тридцать — чтение на ночь, а в девять — отбой.

Однажды Сима отказалась пить чай. Попросила, но пить не стала. Оказывается, я забыла положить на тарелочку под чашку салфетку, как всегда делает папа.

Муж просто счастлив. Он нашел в дочери единомышленника, которого потерял в сыне. И пока мы с Васей, укрывшись с головой одеялом, досыпаем последние минуты, Сима с папой делают утреннюю зарядку, умываются, переодеваются в домашнюю одежду и торжественно выходят к завтраку. Они пытаются нас перевоспитать. Мы пока держимся.

Дочка очень поздно начала говорить. Мне кажется, что лет в пять. Я таскала ее по врачам, подыскивала ей кружки, в которых не требуется вербальное общение. Она с четырех лет занималась балетом, рисованием, лепкой. Она терпеливая, как сто осликов, и такая же упрямая. Когда мне говорили, чтобы я развивала мелкую моторику ребенка, мне хотелось закричать. С мелкой моторикой у дочки было лучше, чем у меня. Она с детства любит лепить, клеить, красить, возить с тестом, обсыпать все бисером и складывать мелкие игрушки в маленькую коробочку. И у нее миллион маленьких коробочек для разных мелочей, которые она укладывает в совсем маленькие коробочки, а те, в свою очередь, в еще более маленькие коробочки.

Маша Трауб

А уж сколько логопедов мы поменяли! Сима молча закрывала дверь в комнату, если ей кто-то или что-то не нравилось. Выборочное поведение — один из признаков аутизма. Счастье, что у меня был старший сын, у которого тоже фигурировал этот диагноз. Я была готова. Сима глазами, поворотом головы, жестами могла выразить все эмоции. На балете их учили не плакать, улыбаться и всегда, при любых обстоятельствах держать спину ровно. А если тяжело или обидно, то еще сильнее держать спину. Даже в магазине она делала поклон, поскольку не умела сказать «спасибо». При этом Симе достался очень твердый характер. Васю можно было уговорить, уболтать, Симу — бесполезно. Если она сказала «нет», то это означало исключительно «нет». С приклеенной улыбкой делала свой книксен и закрывала дверь, оставляя ошарашенного педагога-логопеда, психолога и прочих врачей в недоумении. Сима не подпускала к себе докторов, и мне пришлось долго искать стоматолога, который согласился бы терпеть в кресле троих людей — я лежала в кресле, сверху на мне лежала дочь, которую я держала за руки, муж лежал на дочкиных ногах, а врач должен был справиться со всей этой конструкцией и при этом не лишиться пальца, который норовила откусить пациентка.

— Как же она в обычную школу пойдет? — воскликнула врач-психолог, которой отказали от дома. — Подумайте о домашнем обучении.

Второй раз в первый класс

●

Вы думаете, я не плакала? Я рыдала, кусала локти, спрашивала «за что?». Да, дочку хвалили на рисовании, удивлялись ее усидчивости и выбору цветовой палитры. Все вокруг умилялись — какая нежная девочка, какая трепетная. И неизменно добавляли: «Как же она жить-то будет?» Еще и не говорит. Только моя мама радовалась:

— Молчит? Это же хорошо! Быстрее замуж выйдет!

Я с маниакальным упорством делала «все правильно», «как положено». Нашла самую лучшую в районе подготовку к школе. Клуб, в котором были полноценные уроки, три раза в неделю. Русский, математика, музыка... Бронировать места нужно было года за два, но я добыла телефон директора, умоляла принять и записала туда Симу.

С нашей Светланой Александровной мы встречались регулярно — жили в соседних домах. Она знала и видела Симу с рождения. Учительница знала про все — про то, что Сима не говорит, что я уже сошла с ума. При очередной встрече я отчиталась:

— Пошли на подготовку к школе.

— Зачем? — удивилась она. — Потерянное время. Отдавай мне ее сейчас. Я набираю первый класс. Последний набор, потом на пенсию выйду.

— Не могу. Она занимается с логопедом. Слишком маленькая. Жизель. Чуть что — в слезы. Она такая неж-

Маша Трауб

ная, что мне за нее страшно. Я не могу вас подвести. Она не готова. Да она даже не говорит толком!

— Ты вроде умная была, — хмыкнула Светлана Александровна, — а говоришь глупости. Я тебя знаю больше десяти лет, знаю твоего мужа, я выучила твоего сына. И ты мне будешь рассказывать про эту девочку? Я уже все про нее поняла. Детей сразу видно. А она очень на тебя похожа.

— Она на мужа похожа, — огрызнулась я.

— Что тоже неплохо, — серьезно заметила Светлана Александровна.

— Нет, она не готова. Она маленькая. Не справится.

Светлана Александровна резко развернулась и пошла в другую сторону.

И мы начали ходить на занятия для подготовишек. Я чувствовала себя «правильной», «разумной» мамой.

Да и время сейчас другое — еще несколько лет назад все отдавали детей с шести лет, а сейчас считается, что нужно продлить детство, морально подготовить, дать ребенку время созреть и поиграться. В школу ведут с семи, а то и с семи с половиной, если речь идет о мальчиках. Шестилеток, и уж тем более тех, кому и шести с половиной нет, в первых классах мало. А родителей, которые отдают так рано, осуждают — и врачи, и общественность, и уж тем более психологи.

Ну и хорошо. Симе нравилось учиться в подготовительном классе. Мне, правда, не нравилось, как они

Второй раз в первый класс

●

стихи читают. Главное, прокричать на одной ноте, не делая смысловых пауз. Но громко. Это было даже смешно. Сима говорила спокойным голосом, тихим и нежным, и вдруг срывалась на истошный крик, если требовалось прочесть стишок. Как в кадре из «Ералаша», где мальчик вопит: «Папа у Васи силен в математике, учится папа за Васю весь год!» Но это был минимальный побочный эффект. На фоне остальных детей она сильно отставала.

У дочки по-прежнему было избирательное общение. Сима уволила очередного логопеда. И наконец, мы нашли Марию Васильевну. Нет, не так. Мы нашли кота Вилли и здоровенный аквариум с рыбками. Все это богатство, которым не обладала Сима, принадлежало Марии Васильевне. Коту Вилли был всего год, но он уже весил десять килограммов. Рыжий, совершенно роскошный кот, похожий на диванную подушку. Вилли терпеть не мог детей и прятался в дальней комнате, когда к Марии Васильевне приходили на занятия дети. А они к ней приходили каждый день по очереди.

Аквариум же стоял в общем коридоре на лестничной площадке, тоже невероятно прекрасный — огромный, в половину стены, с рыбами, водорослями, сундуком с драгоценностями и гротом. Перед каждым уроком Симе разрешалось покормить рыбок. Она подставляла табуретку, которую ей выделила Мария Васильевна, и деловито засыпала несчастных рыб кормом.